

**ДМИТРИЙ
КОРОВНИКОВ**

19

**КУРСАНТ
УМЕТЕРДИН**

Дмитрий Коровников

Курсант Империи - 19

«Автор»

2026

Коровников Д. Н.

Курсант Империи - 19 / Д. Н. Коровников — «Автор», 2026

Ты молод, богат и беззаботен? Думаешь, мир у твоих ног? Что ж, пришло время расплаты, парень! Родина-мать призывает тебя под ружье. Забудь о девочках, тусовках и папином наследстве. Теперь твой дом казарма, а семья братья по оружию. Империя не спрашивает, она приказывает. И ей плевать, мечтал ли ты стать ее защитником или нет. Так что заткнись, бери штурмовую винтовку, натягивай броню и готовься к бесславной гибели на очередной забытой Богом планете, в окружении таких же недоносков, как ты. P.S. И помни: твоя жизнь теперь принадлежит Российской Империи. И сдохнуть за нее не самый худший из имеющихся вариантов. Такие дела, курсант Васильков...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дмитрий Коровников

Курсант Империи - 19

Глава 1

Механическая ладонь сомкнулась на моём левом запястье раньше, чем я успел опустить руку.

Держал полковник аккуратно. Этой рукой он умел всё: расписываться, застёгивать верхнюю пуговицу кителя и ломать челюсти. Сейчас он держал моё запястье так, как держат пробирку, которую нельзя уронить на палубу.

А я, между прочим, всё ещё радовался.

Радость была тёплая и совершенно ни на чём не основанная. Две сгоревшие силовые установки за минуту сделали для сорока человек больше, чем все мои планы вместе взятые. Никто никуда не улетает. Док остаётся. Кодыч остаётся. Хиля остаётся — спит под серой простынёй и даже не знает, что его довели до переходника и развернули обратно.

Хватило этой радости на один вдох.

— Ты собирался привести их сюда, — сказал Кнутов.

Не спросил.

— Собирался.

— Три роты чипированных убийц? — Громкость он держал такую, чтобы слышал только я, и хрип от этого становился заметнее. — Ты всё просчитал до конца или бросил на середине?

— Если честно — бросил.

— Руки бы тебе...

Он не договорил, повернул моё запястье к себе, как поворачивают чужие часы, чтобы посмотреть время и не спрашивать разрешения. Голограмма развернулась ему навстречу.

— Смотри сюда, боец. Я хочу, чтобы ты видел.

Свободной рукой полковник поднёс к моему браслету свой. Две голограммы качнулись, нашли друг друга и срослись в одну — до сих пор я наблюдал это только с той стороны, где стоит начальство.

— Кнутов, Пётр Александрович. Приоритет первый. Отзыв делегированного доступа. Подразделение — пополнение тринадцатого штрафного, полный список. Подтверждаю голосом.

— Выполнено, — сказала система.

Столбик команд на моей стороне погас не сразу. Он таял сверху вниз, строчка за строчкой, и я смотрел, как из моего браслета уходят три сотни человек, которых я двое суток учил ходить строем.

— До меня дошло, когда эта штука мне отказала, — выдохнул Кнутов. — Говорит: «Недостаточный уровень прав». Мне. Я стоял посреди ангара и разглядывал собственную руку, как дурак, пока не вспомнил про тренировочный зал.

Три касания, пауза, четвёртое.

— Как ты — умник в это время смотрел мне в лицо и рассказывал про очередь команд, — продолжил он, еле сдерживаясь. — Складно рассказывал, Васильков. Я даже заслушался.

Возразить было нечем, и я не стал.

— Теперь про наказание...

Я обречённо вздохнул, понимая, что вряд ли его переживу.

— Его не будет.

Вот тут я поднял голову и улыбнулся.

— Не радуйся раньше времени. Вообрази, что мне пришлось бы написать в рапорте. Рядовой штрафного батальона свистнул у своего полковника управление тремя ротами, при этом командир этого не заметил. А второй строчкой пойдёт, кто этот допуск выдал, и там будет моя подпись. — Живая половина лица сложилась во что-то вроде усмешки. — Генерал стоит в двадцати шагах. Ему сегодня есть чем заняться, но позже такое он прочтёт с удовольствием. И будет прав. Командир, у которого из-под руки уводят добрую половину батальона, называется командиром только в ведомости на довольствие.

— Я не крал у вас управление. Просто...

— Как это назвать, решат потом и не мы с тобой. — Он одёрнул руку, наконец, меня отпустив. — Поэтому-то наказания не будет. Не потому что ты его не заслужил, а потому что мне дешевле молчать. Запомни этот день, Васильков. Тебе крупно повезло.

Сзади, у пирса, тяжело лязгнуло: роботы-техники Палыча снимали с серого борта первый кожух, и по ангару пополз запах горелой изоляции — сладковатый, тошный, ни на что не похожий.

— Дальше о доверии, — продолжал Кнутов. — Его тоже не будет. К чёрным ты больше не подходишь. Помощник у меня был один, и он кончился на этом самом месте.

— При всём уважении, господин полковник, вы не справитесь.

Сказал я это ровно, потому что нажимать тут было нельзя.

— Что?!

— Вы освоили первый десяток команд. Их там гораздо больше. — Я говорил быстро, пока он не закрылся. — У них любое придаточное — отдельная команда. Дадите две подряд — они возьмут обе и выполнят одновременно, каждый по-своему. Вам нужен рядом человек, который будет стоять и придерживать... вашу руку, когда вы...

— Придерживать руку?

Он повторил это негромко, и я по одному этому понял, что выбрал самые неудачные слова из всех возможных.

— Я не то имел в виду.

— Ты именно то и имел. — Полковник отвёл взгляд в сторону трапа, и это вышло хуже, чем если бы он наорал. — Слушай сюда, молокосос. Я командовал батальоном, когда тебя возили в коляске. Разберись и с этими. Тут не высшая математика, тут строевая с приставкой.

— Пётр Александрович...

— Не волнуйся, боец. Без тебя разберёмся.

Я набрал воздуха, чтобы напомнить ему про покалечённых в тренировочном зале.

Но, сказать я не успел.

— Полковник Кнутов.

Генерал Ли позвал его от дальних дверей. Расстояние было приличное, голос обычный, и ангар всё равно немедленно стал на пару человек тише.

Кнутов провёл ладонью по кителю сверху вниз, будто снимал с себя весь предыдущий разговор, и пошёл к генералу. Идти следом мне никто не запрещал, и я прошёл ровно столько шагов, сколько может позволить себе человек, которому очень надо в ту же сторону.

— Из медицинского блока прислали рапорт, — сказал Ли, не дожидаясь, пока полковник встанет как положено. — Старший врач. Поступило десять человек из вашего подразделения. Серьёзные переломы, разрывы связок, у двоих раздроблены кости черепа. Пишет, что всё случилось одновременно.

— Так точно.

— Занятие вели вы?

Кнутов ответил не сразу, и пауза эта была длиной ровно в одно моё «Вы не справитесь».

— Я.

— Пойдёмте. Расскажите по дороге.

Генерал развернулся и пошёл к выходу, свита потянулась за ним, на ходу выстраиваясь в свой обычный порядок. Барятинский остался. Судя по тому, как аккуратно Ли на него при этом не посмотрел, оставили его здесь намеренно и с полным пониманием, что именно ему оставляют.

Последнее, что я разобрал, — хриплое «...третьи сутки без отдыха, господин генерал-майор, люди сырые...». Потом двери съели и это.

Аргумент, который я держал во рту две минуты, у меня отобрали и унесли. Причём унесли к единственному человеку, у которого он работал и без моей помощи.

Ангар тем временем переставал быть местом торжественной передачи и становился обычным отсеком корабля перед переходом. Техники сматывали рукава. Двое космонавтов тащили к борту крепёжную сеть, и зажимы на её углах волоклись по разметке с таким звуком, что сводило зубы. Сотрудники ИСБ в тёмной форме стояли посреди всего этого со своими планшетами и мешали, как мешают гости, которые остались после того, как убрали со стола.

А в полусотни шагов от трапа, мимо которого его так и не провели, стоял Мафусаил Семёнович Барчук.

Он ещё высоко держал подбородок. Спина по-прежнему прямая, всё как полагается человеку его ранга. Только голова у него всё время поворачивалась туда, где майор объяснялся с полковником штурмовиков, и возвращалась обратно без ответа.

Я подошёл так, чтобы оказаться у него в поле зрения, и дождался, пока он меня найдёт.

Потом я поднял руку — ту, с которой только что сняли всё полезное, и пошевелил пальчиками. Точно так, как это делал он сам несколько минут тому назад. И подмигнул.

Типа не так всё просто, гражданин начальник. Восемь часов ремонта, а то и все двенадцать. И вам, и вашим союзникам ещё сидеть на этом корабле и ужинать тем же, чем мы.

Он оторопел. Улыбка, которая сидела на этом лице, кажется, ещё с колонии, поехала вбок и там застряла. Сцепленные руки расцепились. Он открыл рот, не придумал, что туда вставить, и первый раз за всё наше знакомство отвернулся первым.

Мелко? Мелко. Но я последние несколько часов ходил по кораблю с чувством, что меня раздели и повесили вещи сушиться, так что не надо про мелочность. Сейчас я брал всё, что давали.

— Боец, не стой на разметке, — сказали мне в спину. — Переход через двадцать минут, ангар чистим.

Я пошёл к выходу вдоль стеллажей, и за спиной у меня снова заговорил майор — вежливо и с той особой мягкостью, с которой начинают, когда собираются торговаться.

Полковник Барятинский слушал его вторую минуту и всю эту вторую минуту натягивал перчатку.

Перчатка была уже не совсем белая: палец где-то зацепил полоску смазки. Владимир Александрович разглядывал эту полоску с вниманием, которого она не заслуживала, потому что смотреть на собеседника было скучно.

— ...и вы же понимаете, полковник, что начнётся, когда моё начальство узнает, при каких обстоятельствах нас здесь задержали. Произвол, по-другому не назовёшь. Генерал не выпустил с корабля сотрудников при исполнении и сорок принятых по описи арестантов. Когда они теперь попадут на Новую Москву-3? Через неделю?

— Это вопрос или вступление?

— Это предложение. — голос майора стал почти тёплым. — Дайте нам шаттл. Всего один. До прыжка время есть, мы успеваем отойти. Генерала беспокоить не придётся: шаттлы вашего батальона, решение ваше, бумаги я оформлю здесь и сейчас.

Вот тут Барятинский на него посмотрел.

Шаттлы были действительно его. Стояли в дальнем крыле, поджав аппарели, и выглядели так, будто их там много. Только что этот же человек просил у генерала два, получил отказ,

попросил один и получил второй отказ — при свидетелях и без объяснений. А теперь стоял и предлагал оформить бумаги.

Картинка сложилась быстро и без усилия. Шаттл уходит. Эскадра прыгает. Через четверть часа генералу докладывают, что машины не хватает, и генерал задаёт ровно один вопрос. Не «почему». А «кто».

Владимир Александрович за свою жизнь по-настоящему боялся одного человека, и этот человек только что вышел в дальние двери, не повышая голоса и не обернувшись. В бригаде уже были старшие офицеры, которые решали сами, а потом заново поднимались по лестнице чуть ли не с рядовых, и самое обидное в тех историях было то, что генерал не говорил при этом ничего обидного.

Остальные страшные люди Российской Империи жили где-то в сводках. Какой-то Яков Андреевич Жулебин, директор ведомства, фамилия из газетной строки. Барятинский ни разу его не видел, никогда не бывал в его кабинете и потому бояться его не умел. Страх требует личного знакомства.

— Нет, — бросил он.

— Полковник...

— Я же сказал нет, майор. Как, кстати, ваша фамилия?

— Копейкин.

Фамилия не сказала ему ровно ничего, и в этом и заключался весь ответ.

В служилых родах таких фамилий не водилось. Они водились в торговых рядах, откуда третье поколение выходит уже с гербом, купленным вместе с домом, и отдаёт сына в ведомство пострашнее, чтобы соседи смотрели с положенным уважением. Фамилия была не дворянская. А какая-то... денежная.

Всё, что до этой минуты раздражало Барятинского, перестало его раздражать. Гладкое лицо. Форма, в которой никто ни разу не бегал. Улыбка, которой здороваются с прислугой.

Он отвернулся и поискал глазами старшего конвоя.

— Заключённых — обратно в камеры. Всех, кого выводили, по тому же списку. Начальника колонии — туда же.

— Стоп. Стоп-стоп-стоп. — Майор шагнул вбок, перекрывая ему линию взгляда. — Мафусаил Семёнович проходит по делу особого порядка. Его нельзя в общую камеру, у него состояние здоровья, и статус...

— Да... у него спина, я слышал.

— Вы понимаете, что я внесу в рапорт вашу фамилию? — Голос начальника отдела поднялся на полтона, и в нём впервые проступила молодость. — Целиком. С именем, с должностью, с номером батальона. И его прочтёт Яков Андреевич лично.

Он ждал реакции и даже приподнялся на носках, чтобы её не пропустить.

Барятинский подумал, что к ужину стоит сменить перчатки.

— Лейтенант, — сказал он через голову майора, и от стены к ним пошли сразу двое: офицер из оцепления и старший той самой военной полиции, которая привела колонну сюда. — Заключённых уводите... немедленно. Если майор или кто-нибудь из его людей попытается помешать — арестовать всех, кто дёрнется. Если возьмутся за оружие — перестрелять. Как собак.

Лейтенант ответил не сразу и не потому, что сомневался.

— Есть как собак.

— Не есть, а перестрелять.

— Есть. То есть... слушаюсь, господин полковник!

Майор Копейкин открыл рот. Гладкое лицо ему больше не помогало: оно стало просто молодым.

А Барятинский уже шёл к выходу и думал о том, что перед переходом надо ещё пройти по кубрикам второй роты, где крепят имущество так, будто подпространство — это семейная поездка на катере.

Колонна развернулась и пошла к боковым дверям тем же экономным шагом, каким пришла. Охрана колонии свой красивый строй растеряла на первых шагах.

А Мафусаил Семёнович упёрся.

Он встал на разметке, расставив ноги, и заговорил сразу громче всех, кто говорил в этом ангаре за последний час.

— Голубчики, это недоразумение! Майор! Майор, скажите им! Я же по вашей линии! Я туда не пойду, там сыро! У меня спина!

Майор не сказал им ничего.

Начальника колонии взяли под белые ручки и повели, и он ещё долго был слышен в боковом коридоре, где голоса не пропадают, а катаются по металлу туда-сюда, пока не закроют створку.

Потом створку закрыли.

Сотрудники в тёмной форме остались стоять посреди ангара — тридцать человек с планшетами, на которых больше нечего было отмечать. Их обтекали космоматросы с крепёжной сетью.

Затем над ангаром пошла сирена.

— Внимание по кораблю. Пятнадцать минут до перехода через «врата».

Глава 2

Лейтенанта я догнал раньше, чем он успел сделать вид, что меня не видит.

Он шёл третьим от головы колонны, держал планшет на согнутой руке и смотрел в него так, как смотрят в расписание рейсов, которые все уже ушли. Года на четыре старше меня, чужая нашивка, чужая выправка и совершенно чужой запас терпения, который к этой минуте у него кончился.

— Господин лейтенант.

— Не сейчас.

— Именно сейчас. Потом будет поздно, а объясняться будете вы.

Это его остановило. В армии вообще есть только одна волшебная формула, и звучит она примерно так: спросят с тебя.

— Говори, боец. Только быстро.

— Куда вы их ведёте?

— В карцер. Приказ командира первого штурмового. Всех, кого выводили, по тому же списку.

— А сколько в вашем списке человек?

Он ответил не сразу, и это было первое хорошее, что случилось со мной за весь день.

— Значит, считали, — сказал я. — А теперь посчитайте камеры.

— Четыре.

— Четыре, — согласился я. — На большом десантном корабле, где гауптвахта строилась под двух пьяных и одного самовольщика в месяц.

— Разместим чуть плотнее.

— Плотнее — это по десять в камеру три на три, где две койки. — Я дал ему полсекунды на раздумье. — А теперь второе. Вам что про них сказали?

— Что вместе нельзя, — нехотя отозвался лейтенант. — Охрану колонии — отдельно от остальных.

— Вот именно. Посадите их в одну коробку — через четверть часа вы будете вытаскивать оттуда не заключённых, а материал для судмедэкспертов.

Колонна между тем ползла к кормовым трапам со скоростью человека, который ещё не решил, куда идёт.

— Что ты предлагаешь? — спросил лейтенант.

Вот тут мне пришлось постараться, чтобы в голосе не появилось ничего, кроме скуки.

— Приказ был: вернуть обратно. Обратно — это туда, откуда брали. Вы же их сегодня сами собирали по трём разным местам. Значит, туда же и нужно вернуть. Начальник колонии и его охрана — на гауптвахту, места в камерах для них там вполне хватает. Раненый и врач при нём — медблок. Остальные — техническая зона.

Я кивнул в сторону коридора.

Лейтенант остановился.

Колонна прошла мимо нас ещё на полшага и тоже встала, потому что люди, которых куда-то ведут, чувствуют остановку затылком.

— В техническую зону, — медленно повторил он. — Заключённых.

— Так точно.

— Верно. Я их оттуда и забирал, — почесал затылок лейтенант. — Из кубрика техников.

— А конвой из военной полиции там при них был?

— Охраны при этих не было, — сказал лейтенант почти обиженно. Потом решительно:

— Список есть, адрес есть, остальное не моё дело.

— Золотые слова, господин лейтенант.

Он посмотрел на меня с той осторожностью, с какой смотрят на собаку, которая только что заговорила.

— Ты вообще кто?

— Рядовой Васильков. Тринадцатый штрафной. Последние двое суток я занимался размещением пополнения.

Всё это была правда. Вся, кроме той её части, которая имела значение.

Я вообще заметил за собой одну неприятную вещь: я совсем перестал врать. Взрослые врут с расстановкой: берёшь три честных факта, кладёшь их в нужном порядке и замолкаешь в нужном месте. Собеседник всё додумывает сам и потом защищает это как собственное мнение. Кто меня этому научил, даже сам не знаю. Возможно он сейчас объяснялся с генералом по поводу десяти покалеченных рекрутов.

— Допустим, — сказал лейтенант. — А если с меня спросят, почему арестанты сидят у механиков?

— Ответите, что выполнили приказ буквально. Ни один человек в истории армии ещё не погорел на том, что выполнил приказ буквально.

Это было неправдой от первого слова до последнего, зато звучало как устав. Лейтенант ещё раз посмотрел в планшет — на самую аккуратную бумагу на свете, если читать её сверху вниз и не задавать вопросов.

— Старшина! — крикнул он вдоль колонны. — Делим на три. Оранжевые — отдельно, охрану колонии — отдельно, носилки вперёд.

Он сказал это громко и быстро, как говорят решения, которые приняли сами, если верить тому, кто их произносит.

Когда мы дошли до гауптвахты, охранники Барчука вошли туда без единого слова и разошлись по камерам так быстро, будто боялись, что им не хватит места.

Мафусаил Семёнович на пороге развернулся.

— Голубчик, — сказал он лейтенанту с тёплой укоризной. — Мне бы отдельную. Я ведь не по общей части иду, у меня особый разряд.

— Отдельная занята.

— А если всё же поискать?

— Отдельная занята вашими же людьми, — терпеливо объяснил лейтенант. — Четверо человек. Вы пятый.

Барчук посмотрел в камеру, потом на меня. Я стоял в трёх шагах и ничего не говорил, потому что всё, что я хотел ему сообщить, я сообщил ещё в ангаре.

— Молодой человек, — сказал он мне. — Вы ведь тоже потом будете объясняться. Всем приходится. Это такое дело, где всегда потом объясняются.

Дверь ушла в паз, и начальник колонии остался со своей охраной в одном помещении, чего с ним, подозреваю, до посещения нашего БДК не случалось ни разу за всю его блестящую карьеру.

Носилки пошли вперёд, как только колонна стала короче.

Док посмотрел на столбик показаний и только потом на меня. — Александр Иванович, объясните мне одну вещь. Мы ведь идём обратно.

— Идём.

— А почему?

— У ИСБшников корабль сломался, — ответил я.

— Значит, отсрочка.

— Значит, появилось время.

Губы у доктора дёрнулись в короткой улыбке — первый раз за весь день.

— Спасибо.

Дверь сошлась раньше, чем я придумал вторую фразу...

Третью группу вернули в техническую зону. Здесь было шумно, а главное — здесь все были чем-то заняты, а лейтенант с конвоем среди занятых людей выглядит глупо. Старший поставил последнюю отметку и увёл своих людей так быстро, будто боялся, что его попросят придержать вон тот кабель.

Два десятка людей в оранжевом остались стоять между верстаками.

Первые три секунды они молчали. Потом кто-то в середине сказал совершенно бесцветно:

— Не повезло вам, граждане начальники.

И тут их прорвало.

Они не кричали ура и не обнимались. Просто вдруг заговорили все одновременно, громче, чем надо, и всё о постороннем: кто как шёл, кто что видел в ангаре, у кого какая была морда у конвоира. Один снял робу через голову ещё до всякой команды и швырнул её под верстак.

Люди радуются не тому, что им что-то дали. Они радуются тому, что у них что-то не забрали прямо сейчас.

Кодыч подошёл ко мне последним.

— Спасибо, парень.

— Не за что.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно. — Я посмотрел ему в лицо, потому что такие вещи говорят только так.

— Я тут ни при чём. Всё, что я придумал, я придумал плохо, а спасло вас ржавое железо.

— Железо?

— Полетевшие силовые на спецборте.

Кодыч посмотрел на меня внимательно и чуть устало, как смотрят на человека, который только что сказал глупость и пока об этом не догадывается.

— Ну-ну.

— Что «ну-ну»?

— Ничего. Железо так железо.

Он отошёл к своим, а я остался стоять с отчётливым ощущением, что меня погладили по голове и поставили в угол.

В этот момент в дверях возник Палыч с тем безразличием к чужим событиям, которое вырабатывается только долгой службой или очень хорошо сыгранной ролью. Универсальный ключ лежал у него на плече, как удочка у человека, который идёт с реки и уже знает, что скажет дома.

— Так. Это что у нас за праздник? — громко спросил он. — Скоро переход, а у меня половина бригады стоит в одном месте и смотрит друг на друга!

— Палыч...

— Не «Палыч», а — господин старший техник. — Он прошёл мимо меня к оранжевым, как проходят мимо шкафа. — Переодеваемся! Своё барахло — свернуть и сунуть в ящик под вторым верстаком. Не под первым! Под первым у меня прокладки.

Зэки посмотрели сначала на него, потом на Кодыча, потом друг на друга — и начали раздеваться быстрее, чем выполняли любую команду за эти двое суток.

Вот тут я всё и понял, и понимание это было из тех, которые приходят позже, чем надо.

Он видел их в ангаре, в колонне, под конвоем, со списком и сверкой по сетчатке. Моя легенда про переведённых людей тринадцатого штрафного, которых надо бы пристроить к делу, держалась ровно до того момента, пока старик не вышел со своими ящиками к трапу чужого борта.

Он всё знал уже тогда. А сейчас орал про прокладки.

— Палыч.

— Чего тебе?

— Вы знаете, кто они.

Старик снял ключ с плеча и поставил его на настил, опершись, как опираются на посох люди, которые собрались говорить дольше одного предложения.

— Знаю, — сказал он. — И что?

— Я вас обманул. Сказал, что это люди из пополнения и что их надо временно разместить.

— Ну, — согласился Палыч. — Ты договаривай, Александр Иванович, а то ты как-то всё вокруг да около.

Я договорил:

— Извините.

Вот тут он рассердился по-настоящему.

— Чего?! — Ключ снова оказался в воздухе и ткнул в мою сторону. — Ты что, решил, что я тут сирота и меня можно обидеть? Я в людях разбирался с тех времён, когда тебя ещё не придумали.

Он вдруг сбавил тон и говорил дальше уже почти мирно.

— Приводишь ты мне два десятка мужиков и говоришь: вот, Палыч, тебе специалисты. Один берёт головку и смотрит на неё, как на икону. Второй спрашивает, где тут у нас курят. Специалисты!

— И вы промолчали.

— Я посмотрел, — сказал Палыч. — Ты их привёл не себе на пользу и не за деньги. Значит, по совести. По совести я понимаю. И потом, мне от них вышла польза такая, какой от штатного расписания не бывает.

— От кого? — честно удивился я. — Палыч, они же не работали.

— А и не надо было.

Старик посмотрел на меня так, будто я спросил, зачем нужен манометр.

— У меня в бригаде, как ты знаешь, есть трутни. Служат честно, руки есть, голова есть, только всю смену ищут, где постоять. Я с ними воюю, как с грибком. А тут пришли твои — и грибок прошёл за полдня.

— Надеюсь, он их не били?

— Тьфу. — Палыч даже обиделся. — Никто никого не тронул. Они просто садятся рядышком и смотрят. Вежливо смотрят. А мой трутень сидит и вдруг обнаруживает в себе желание работать. За десятерых. За двое суток моя бригада закрыла все долги по кораблю. С прошлого квартала висели.

Кодыч, кстати, уже сидел на корточках у третьего щитка со снятой крышкой. Как он туда попал и где взял инструмент, я не заметил, хотя стоял лицом в ту сторону.

— Он ведь медвежатник, — сказал я.

— Он электронщик от Бога, — мягко поправил Палыч. — Медвежатник — это где он свой талант применял до приговора. Мне на это всё равно. А он вчера сел над контуром, который мне три месяца мотал нервы, и посидел над ним час. И всё.

Тут я задал свой вопрос. Осторожно, как человек, который уже всё рассчитал и только хочет уточнить мелочь.

— Палыч. Сколько вам нужно времени на их борт?

— На какой?

— На тот серый. Силовые, контуры, всё то, о чём вы так красиво рассказывали на весь ангар. — Я выдержал паузу. — Спрашиваю это потому что пока вы его чините, ваша новая бригада находится при вас. И если вы будете чинить его очень вдумчиво...

— Ага, — хитро сощурился старик. — Ты все-таки по-прежнему меня за простака держишь, да?

Он положил ключ обратно на плечо и посмотрел на меня. Морщины у него собрались все сразу и в одну сторону.

— Можно дней пять, — пожал он плечами. — А можно и пять минут.

Секунду я ещё держал на лице выражение человека, который всё понял с самого начала.

Потом перестал.

Вот я дурак! Никакие силовые у них не сгорели.

Глава 3

Как вы поняли, пять минут Палычу оказалось недостаточно.

Ему понадобилась неделя, и он взял её всю, до последнего часа, с хозяйственной обстоятельностью человека, которому наконец разрешили заняться делом. На второе утро после прыжка я зашёл в техзону и увидел силовую установку серого борта целиком. Проблема была в том, что она лежала на палубе.

Валы, кольца, шайбы, свёрнутые в круг трубки и ещё множество предметов, названий которых я не знал и уже не хотел знать, были разложены на ветоши кучками, и возле каждой кучки была мелом подпись: «левый», «правый», «в сборку последней». Порядок был такой, что становилось страшно.

— Палыч.

— М.

— Вы её разобрали.

— Дефектация, — сказал главный техник, не поднимая головы. — Раз вскрыли — надо смотреть. Полез внутрь — смотри до конца, а не до первой гайки.

— А если вам велят собрать?

— Велят, — согласился он. — Пусть велят.

Он поднял одно из колец, посмотрел через него на лампу, поморщился и положил чуть в сторону от прежнего места. Это движение я потом вспоминал всё время. У старика был свой невидимый список, в котором детали переезжали из графы «годно» в графу «а вот теперь неделя».

Кодыч сидел на корточках над лотком и укладывал мелочь по гнёздам, каждую в своё, и делал это быстрее, чем я успевал заметить движение. На комбинезоне у него была чужая фамилия, и она его совершенно не беспокоила.

— Парень, ты встал на кабель, — сказал он мне, не поворачиваясь.

Я сошёл с кабеля. За эти три дня в технической зоне я выучил только одно правило: всё, на чём можно стоять, здесь важнее тебя.

Майор ИСБ появился ровно в тот момент, когда Палыч взял в руки второе кольцо.

Копейкин на большом десантном корабле выглядел как человек, который пришёл в чужой дом на час, а живёт там уже сутки. Китель сидел на нём безукоризненно, и именно это выдавало в нём человека, которому больше нечего контролировать. Говоря, он всё время прижимал большим пальцем обшлаг — коротким движением, одним и тем же, каждые полминуты.

— Господин главный техник. Сориентируйте меня по срокам.

— Срок будет после полной диагностики.

— Диагностика была вчера.

— Вчера была первичная, — сказал Палыч так уважительно, что стало неловко всем, кроме него. — А есть ещё углублённая. По углублённой у вас третий контур вызывает вопросы.

— У нас третий контур не вызывал вопросов четыре года.

— Значит, назрели.

Майор молчал три секунды. Он был неглупый человек, и это было его главное несчастье: глупый на его месте ещё на второй день решил бы, что ему просто не везёт.

— Вы понимаете, что я буду докладывать наверх.

— Докладывайте, господин майор, — разрешил Палыч. — Только вы там про третий контур обязательно укажите. А то выйдет, что техник виноват, а вы летали на неисправном борту и не знали.

Вот тут я понял, что, возможно, и недель дело не ограничится, если старик войдёт во вкус.

Копейкин пошёл жаловаться к генералу.

— Господин генерал-майор, ваши техники разобрали мой борт до последнего винтика.

— Значит, так надо, — сказал Ли.

— Мои люди размещены в кормовом кубрике.

— Кубрик штатный.

— Там вентиляция дует.

— Штатная вентиляция, — сказал генерал и пошёл дальше.

Ни одной грубости. Вообще ни одного лишнего слова. Самая вежливая война, которую можно представить, шла между госбезопасностью и штатным расписанием, и госбезопасность в ней не имела ни единого шанса на победу.

Горячая вода в кормовом отсеке бывала по графику, и график всю неделю уточнялся. В столовой людям в штатском доставалась честная порция и самое последнее место в очереди, причём очередь соблюдалась строго. Сушилка оказывалась занятой всегда.

— Сочувствую, — сказал кок одному из людей Копейкина, когда тот спросил про чай.
— Чай был. Кому надо было — те взяли.

А техник со второй смены, когда его попросили посмотреть заслонку в том самом кубрике, ответил совсем коротко:

— Заявку в журнал.

Журнал лежал в техзоне, а в техзоне у Палыча был его личный порядок поступления бумаг, о котором я предпочёл не спрашивать.

Дважды в день кого-нибудь из ИСБшников останавливали и вежливо просили предъявить допуск на палубу. Допуск у них был. Его смотрели внимательно, сверяли с планшетом и возвращали со словами «благодарю за понимание». К пятому дню люди Копейкина ходили по кораблю с таким видом, будто допуск — это диагноз.

Как это выглядело со стороны, мне объяснил Кнутов — одним предложением.

— Из-за их опоздания и поведения генерал чуть не выпал из графика операции.

Да, со стороны Копейкина это действительно было опрометчиво. Следует также упомянуть и то, что имперских ищеек никто в космофлот и армии не любит. Жандармов тоже. А сейчас и то, и другое в одном лице живёт у них на корабле и просит горячей воды.

Ладно, к бедам, которым пришлось путешествовать с нами вплоть до конечной точки маршрута, вернёмся позже...

Вернёмся к моим проблемам в отношениях с полковником.

Кнутов посмотрел на меня своей целой половиной лица.

— С сегодняшнего дня ты мне больше не помощник.

На это есть ровно два ответа, и оба плохие, поэтому я сказал:

— Понял, господин полковник.

— Не понял. Ты не наказан, ты переведён. С Крохой вместе, в инструкторы первого штурмового. На усиление.

— А кого мы усиливаем?

— Твоих поделничков: Рычкова, Жгутикова, Капеллана и Мэри. Взвод получишь у старшего сержанта. Иди.

Так меня сняли с должности, которой не существовало, и назначили на должность, к которой я не был готов ни одной своей стороной.

— Поздравляю с понижением, мажорчик, — хмыкнул Папа мне вместо вступления, когда мы вместе с Крохой появились в тренировочном зале. — Полковник уже сообщил... Вон твои стоят. Они тебя будут слушать минуты две. Дальше как сумеешь.

Сумел я плохо.

Взвод мне достался из тех, кто знал главное: они чистильщики — элита штурмовых войск, а перед ними стоит восемнадцатилетний штрафник с чужого подразделения. Спасибо, что на первое занятие они явились все и даже вовремя, видимо из вежливости.

Я включил голопроектор.

Лидскорпион в масштабе один к одному вышел из пола и встал между нами: низкий, широкий, с панцирем песочного цвета и суставами, которые выглядели так, будто их собирал человек, ненавидящий живое. Голограмма повернулась к нам и застыла в позе, которую в учебнике называют предбросковой.

Взвод посмотрел на него так, как смотрят на большую собаку через забор.

— Семь соток в броске, — сказал я. — Панцирь держит штатную пулю в лоб. Вернее пробит он будет, но насекомое это не остановит. Поэтому стрелять надо в сочленение, после чего скорпиона начинает вести в бок и он подставляет брюшко.

— А если просто много стрелять? — спросил боец из второй шеренги, долговязый и довольный собой.

— Это существо не позволит вам много и долго стрелять.

Они засмеялись. Не зло — именно что добродушно, и это было хуже всего. Злой слушатель хотя бы спорит.

— Насколько я понимаю, на Новгороде-4 такие не водятся, — сообщил ещё один, с обгоревшей бровью. — Зачем же нам инструктор, который толком не знает, как с этими тварями бороться? Без обид, но вы, господин инструктор, говорите про жука так, как про танк.

Он был прав в одном: про скорпиона я действительно говорил чужими словами. Своих у меня по этой теме не было, потому что насекомое я видел только в голограмме и в методичке. Объяснять о схожести работы по богомолам и лидскорпионам и тем более оправдываться перед строем я не стал, скомандовав на разбитие по парам и начало тренировки.

Мои подопечные стали работать по мишеням, и я увидел то, о чём мне ранее говорили мои товарищи и кому я вежливо кивал.

Штурмовики работали вальяжно. Не лениво — вальяжно, а это совершенно разные вещи. Они вставали в стойку красиво, вели мишень спокойно и били в панцирь, потому что в панцирь попасть легче, а голомишень при попадании честно мигала. За попадание в панцирь система ставила ноль.

— Сержант, у вас второй ноль за серию.

— Зато красиво, — хмыкнул сержант.

С такими людьми бесполезно спорить цифрами. Эти ребята брали города, чистили кварталы и отсеки станций, и в их картине мира большое насекомое стояло где-то между собакой и неисправной техникой. Объяснять им, что на Караиме это насекомое являлось вершинной пищевой цепочки всей своей эволюцией приспособленное для охоты и убийства, было всё равно что рассказывать сытому человеку про голод.

На второй день я перестал объяснять и пошёл смотреть, как это делают люди, которые умеют.

Кстати, у Крохи взвод работал молча и быстро. Кроха не кричал и вообще почти не говорил. Он подходил и вставал рядом с тем, кто решил перевести дух, и человек переставал переводить дух сам. За всю неделю его взвод не сачковал ни разу, и это была педагогика самого чистого вида.

У Мэри взвод работал ещё лучше и совсем по другой причине. Когда она выходила на площадку, тридцать взрослых мужчин одновременно начинали стрелять лучше, чем умеют. Она проходила вдоль строя, говорила кому-то одному два слова, и человек потом полчаса старался так, будто его снимают для истории.

— Это несправедливо, — сказал я на это Толику, с которым мы вместе наблюдали за тренировками штурмовиков из подразделения Мэри.

— Совершенно, — согласился Толик, хихикнув. — А ты пользуешься тем, что у тебя есть?

— А что у меня есть?

— Вот и я о том.

Крохе я задал вопрос.

— Как ты своих держишь в узде?

— Стою, — пожал плечами Кроха.

— И всё?

— Иногда смотрю.

— Понятно.

У Толика взвод в основном смеялся. Толик шутил смешно иногда не очень, но штурмовики его любили, и именно поэтому ни одна его команда не воспринималась как команда. А Папа гонял своих до потери пульса, с той аккуратностью, с какой мстят не тем, кому надо. На пятый день его взвод уже не бегал, а перемещался, и мишени у них мигали всё реже.

Капеллан вёл занятия так, будто служба — это длинный разговор, который не надо перебивать. Его взвод стрелял, так скажем — ровно, умиротворённо.

К Караиму-4 эскадра подошла в конце недели, и первое, что я про неё понял, было самое простое: на эту планету никто не летит по своей воле. В обзорных экранах висел жёлтый шар без единого пятна зелени, весь в тёмных шрамах сухих русел, и смотрелся он так, будто его уже кто-то долго и безуспешно чистил.

На нашей палубе при этом происходило главное событие: подводились итоги.

Полковник Кнутов пришёл без предупреждения, и в помещении стало тесно так, как бывает тесно от одного человека. Он назвал суммы баллов работы по голомишениям, за все нормативы, за слаживание двоек и за тест, о котором никто из нас до этого не слышал, и читал он список сверху, как человек, который знает, что интересное надо оставлять на конец.

— Так, господа инструктора... Начнём. Первое место — Кроха.

Великан-новгородец кивнул, будто ему сообщили прогноз погоды.

— Второе — Мэри. Третье — Капеллан.

Толик открыл было рот, но посмотрел на Кнутова и передумал.

— Четвёртое — сержант Рычков. Если честно — удивлён.

Папа смотрел в перегородку. За неделю он вымотал своих до тог

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.